

Пол Винья
Майкл Кейси

ЭПОХА КРИПТОВАЛЮТ

Как биткоин и блокчейн
меняют мировой
экономический порядок

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

[Предисловие]	Цифровая валюта для цифрового века	11
[Глава 1]	От Вавилона к биткоину	29
[Глава 2]	Генезис	63
[Глава 3]	Сообщество	99
[Глава 4]	Превратности судьбы	131
[Глава 5]	Создание блокчейна	159
[Глава 6]	Гонка вооружений	181
[Глава 7]	Мельница Сатоши	207
[Глава 8]	Не имея счета в банке	239
[Глава 9]	И это все блокчейн	279
[Глава 10]	Белая ворона	315
[Глава 11]	Новая новая экономика	351
[Заключение]	Будь что будет	377
Примечания	401
Благодарности	425

ГЛАВА

1

От Вавилона к биткоину

Доллара в глаза не видел и в руки никогда не брал.

АЛЬФРЕД МИТЧЕЛЛ-ИННЕС

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Любая жизнеспособная валюта — будь то распределенная криптовалюта, созданная компьютерной программой, или традиционная бумажная валюта, выпущенная правительством, — должна завоевать *доверие* сообщества, в котором она обращается. Из последующих глав мы узнаем, что сторонники криптовалюты ее главную суть видят в способности предоставить альтернативную модель завоевания общественного доверия. Они предлагают систему платежей, в которой у получателя больше нет нужды доверять «третьей стороне» (таким учреждениям, как банки или правительства) проверке платежеспособности отправителя в пределах оговоренной заранее суммы. Криптовалютные системы возлагают решение проблемы доверия на неразрушимую, расцентрованную компьютерную программу, которая не способна обманывать людей. Однако и это не избавляет криптовалюту от необходимости завоевывать доверие сообщества. Ей тоже придется это сделать, чтобы обрести способность выполнять свои функции.

Доверие — краеугольный камень любой денежной системы. Чтобы она работала, люди должны чувствовать уверенность в том, что ей будут доверять и другие. Поэтому прежде чем мы понаблюдаем за драматическим появлением биткоина на сцене и оценим его возможности изменить наше представление о многих вещах, необходимо более глубоко исследовать феномен

доверия в денежной системе и историю его развития. В этой главе мы расскажем об эволюции денег — одного из самых замечательных и наименее изученных изобретений человечества.

[31]

Начнем с нескольких базовых вопросов. Что такое деньги? Что они собой представляют? Каким образом человечество пришло к созданию системы обмена товаров на деньги и измерения их стоимости? Как и в любой другой области знаний, лучше всего понять механизм функционирования некоего объекта можно, изучив те ситуации, в которых он не работает.

Недавний пример такого провала — Зимбабве, чьи обесценившиеся многомиллионные банкноты теперь украшают столы финансовых обозревателей и валютных спекулянтов как свидетельство того, какой причудливой может быть судьба денег. Но наиболее запоминающийся урок западное общество получило в более отдаленном прошлом — в 1920-х годах, когда рухнула финансовая система Веймарской республики. Тогда германское правительство, не будучи в силах уладить военный конфликт с соседними европейскими странами и не желая возбуждать недовольство населения повышением налогов, пустило в ход печатный станок, чтобы рассчитаться с долгами. В результате немецкая марка сорвалась в крутое и неконтролируемое пике. Темпы инфляции превысили все мыслимые и немыслимые значения: дети строили домики из пачек ничего не стоивших пятидесятимиллионных банкнот. Из этой истории общество извлекло важный урок: правительственный и финансовый кризисы расчистили дорогу Адольфу Гитлеру.

В Германии в конечном счете сформировалась миролюбивая, эффективно функционирующая нация, собственным примером доказавшая, что демократическое общество способно восстановить порядок даже после серьезных финансовых и политических потрясений. То же справедливо и для Бразилии, которая с помощью жестких монетарных и политических реформ преодолела инфляцию, достигавшую 30 000%, и свергла диктаторский режим 1980-х годов.

В некоторых регионах денежная система почти постоянно находится в состоянии кризиса, за что население вынуждено платить высокую цену. Мы учимся на их опыте, например, тому, что основная проблема заключается отнюдь не в безответственных политических решениях об эмиссии денег центральными банками, хотя именно эта мера провоцирует гиперинфляцию. Скорее, основная проблема

[32]

состоит в крушении системы доверия между людьми, пользующимися деньгами, и органами денежно-кредитного регулирования, которые их выпускают. Поскольку в роли таких учреждений в большинстве случаев выступают национальные правительства, раскол возникает вследствие искаженных отношений между обществом и правительством. Это хороший отправной пункт для размышлений о том, что предлагает взамен криптовалюта с ее не требующей взаимного доверия и основанной на математических расчетах системой денежного обмена.

Если граждане не доверяют правительству представлять свои интересы, то они не будут доверять и выпускаемой им валюте — или, лучше сказать, они не будут доверять денежной системе, вокруг которой вертится вся экономика. Тогда при первом удобном случае они продадут национальную валюту и купят вместо нее активы, которым доверяют больше. Возможно, это будут американские доллары, золото или другие надежные ресурсы.

Если недоверие укоренится надолго, оно станет самоисполняющимся пророчеством. Падение курса национальной валюты истощает финансовые ресурсы правительства, которые преимущественно хранятся в свеженапечатанной национальной валюте и являются единственным источником погашения обязательств и фундаментом его политического выживания. Очень скоро избыток денег в обращении еще больше подорвет доверие общества, что, в свою очередь, раскрутит следующие витки инфляционной спирали и обрушит курс национальной валюты.

Аргентина довольно долгое время существовала в условиях подорванного доверия общества к правительству. Эту проблему не удавалось разрешить почти 100 лет, что объясняет множество валютных кризисов, а также падение Аргентины в рейтинге богатейших стран мира с 7-го места в начале XX века до 80-го в середине 2014 года*. В итоге страна, многие годы позиционировавшая себя как образец европейской утонченности на Американском континенте, сегодня считается задворками Нового Света наравне с Перу.

Майк знает кое-что об Аргентине. В частности, он рассказывает следующее: «Мы с моей семьей провели шесть с половиной счастливых лет

* Исходя из номинального показателя ВВП Аргентины в песо, конвертированных в доллары по текущему курсу черного рынка валюты по состоянию на август 2014 года.

в Буэнос-Айресе. Прекрасно помню яркое солнце, стейки, вино мальбек. Но самое яркое воспоминание — это друзья, которых мы там завели, с их медвежьими объятиями и всегдашней готовностью забыть о собственных делах, чтобы помочь в решении ваших проблем. С ними легко было провести четыре часа за завтраком, обсуждая мировые проблемы.

[33]

Однако с их родной страной у меня сложились странные отношения любви-ненависти. При всей страстной преданности аргентинцев семье и друзьям в их обществе идет нескончаемая внутренняя война. У нее много воплощений: это и разбросанные собачьи фекалии в переулках Буэнос-Айреса, и граффити, покрывающие некогда прекрасные здания во французском стиле, и бесконечные пробки, возникающие в основном из-за нежелания водителей уступать друг другу. Между политиками существует прискорбный раскол, поскольку они поддерживают конкурирующие друг с другом и давно устаревшие идеологии. По сути дела, лояльность здесь определяется принадлежностью к насквозь коррумпированной, безликой политической машине, созданной Хуаном Доминго Пероном полвека назад. Макиавеллиева сила политической системы Перона втягивает аргентинских политиков в замкнутый круг политической близорукости и коррупции, экономических проблем, которые уничтожили в аргентинцах всякую веру в их политическое руководство. Уклонение от уплаты налогов считается нормой: населению непонятно, почему они должны платить налоги мошенникам, крадущим их деньги. Неудивительно, что в таких условиях личный интерес постоянно выходит на первый план, а изначально богатые природные ресурсы страны постепенно истощаются. Если вы достаточно сообразительны, то имеете хорошие шансы заработать кучу денег на регулярных скачках курса ценных бумаг в результате спекулятивных операций по «накачке и сбросу» на бирже. Государство делает вид, что это не спекуляции, а экономическая политика, и в результате экономика каждые 10 лет или около того буквально налетает на очередную скалу.

Я приехал в Аргентину в начале 2003 года, как раз в то время, когда очередной такой кризис пошел на спад. Банки, по-прежнему державшие сбережения населения на замороженных счетах, до этого принудительно конвертировав их из долларов в девальвированные песо, затянули окна отделений в деловой части города металлическими

[34]

решетками, чтобы защитить стекла от кирпичей, которые швыряли возмущенные вкладчики. Когда в 2009 году я уезжал из страны, поднималась волна следующего кризиса. Инфляция уже достигла 30% в год, но правительство, говоря о ней, беззастенчиво лгало населению. Подобная политика привела к тому, что недоверие аргентинцев к национальной валюте лишь усиливалось, а предприниматели вынуждены были задира́ть цены наперед, что лишь ускоряло темпы их роста. Люди постепенно забирали вклады в песо из банков, правительство вводило ограничения на покупку иностранной валюты, что вполне прогнозируемо подрывало доверие к национальной валюте. Аргентинцы слишком хорошо знали, что эта игра в кошки-мышки добром не кончится.

Экономическая ситуация создала нам дополнительные трудности с отъездом. Лишь через год мы наконец продали восхитительные апартаменты в усыпанном осенней листвой Палермо — пригороде Буэнос-Айреса. Но, вернувшись в город для завершения сделки, я обнаружил, что есть проблемы с выводом денег от продажи дома за пределы страны.

Так сложилось, что жилая недвижимость в Аргентине продавалась за доллары — точнее, за наличные доллары. Череда финансовых потрясений отучила аргентинцев доверять не только своей валюте, но и всевозможным чекам, кассовым ордерам и прочим кредитным документам. Только долларовая наличность способна прорваться через эту стену недоверия. Наши покупатели тоже собирались заплатить долларами. Не желая связываться с банковским переводом, они хотели провести расчет в традиционной наличной форме. Они предложили встретиться в *casa de cambio* (пункте обмена валюты) в деловом районе Буэнос-Айреса — одном из многочисленных обменных пунктов, которые помогают аргентинцам улаживать свои запутанные финансовые дела. Пункт обмена должен был принять наличные и перевести их на наш счет в американском банке. Вроде все просто. Что могло пойти не так?

Обменные пункты своими ярко освещенными вестибюлями, отделкой в викторианском стиле и именами, гарантирующими безопасность и добропорядочность, очень походили на банки, но не были частью банковской системы. Помимо обмена доллара на песо, они управляли сетью счетов, предназначенных для перевода денег за рубеж с меньшими комиссиями, чем в банке. Теперь, когда правительство ввело

жесткие ограничения на банковские переводы за океан, обменные пункты пользовались большой популярностью как удобный и недорогой способ перевести финансовые средства за границу.

[35]

Сначала идея воспользоваться явно полуправильной услугой не вызвала у меня большого восторга, но мой лучший друг в Буэнос-Айресе Мигель сказал, что эти *casa de cambio* ведут свои операции с зарубежными партнерами абсолютно легально. Он им полностью доверял, а я доверял ему. Именно так велись дела в Аргентине: вы доверяли своим знакомым и, решая свои деловые задачи, зачастую полагались на них в гораздо большей мере, чем на юридическую защиту коррумпированной правоохранительной системы.

Но чтобы удостовериться в надежности системы, я договорился о предварительной встрече в обменном пункте, во время которой меня заверили в том, что операция по выводу денег за океан совершенно легальна и прозрачна. К тому же мы составим контракт, чтобы иметь документальное подтверждение сделки. Полученная информация меня вполне удовлетворила, и я согласился на сделку. Несколько дней спустя в одном из отдельных кабинетов *casa de cambio* собралось восемь человек для завершения сделки: двое сотрудников обменного пункта, семейная пара, купившая наш дом, отец кого-то из них, выступавший в качестве спонсора покупки, уполномоченный нотариус, или *эскрибано*, по закону обязанный удостоверять сделку, Мигель и я.

Один из сотрудников обменного пункта принес десять или около того пачек банкнот и передал их мне. Я никогда ранее не держал в руках столько наличности сразу и был несколько удивлен тем, как мало места занимали 280 тысяч долларов в банковской упаковке. Сотрудники *casa de cambio* пересчитали деньги, после чего началось подписание документов о продаже дома. Эскрибано подтвердил, что все сделано честно и прозрачно, они с отцом покупателя попрощались с присутствующими и ушли. А мы приступили к переводу денег за рубеж.

Внезапно в комнату ворвался сотрудник обменника, крича на ходу: «Не делайте этого: перевод следует провести через банковскую систему!» Я взглянул на Мигеля, и сердце ухнуло в груди. Сотрудники неправильно поняли основное требование к документальному оформлению сделки, поскольку аргентинское валютное законодательство имеет обыкновение постоянно меняться. Или, может быть — во мне проснулся аргентинский конспиролог, — нас попытались обмануть. Почему

[36]

это случилось после того, как эскрибано ушел, переписав нашу собственность на чужое имя? В любом случае мы были в растерянности. Что, собственно, теперь делать? Выбор был невелик: можно забрать деньги, фактически сбережения всей нашей жизни, и самостоятельно доставить в местное отделение банка — в рюкзаке или засунуть в носки? — где у меня был по большей части неактивный счет, с которого иногда приходилось оплачивать коммунальные услуги, в надежде, что менеджер с радостью примет несколько объемистых упаковок долларов, конвертирует их в песо по грабительскому обменному курсу за немалые комиссионные и тут же конвертирует обратно в доллары, опять-таки за комиссионные и по такому же грабительскому курсу, чтобы перевести на мой счет в американском банке — за вычетом, конечно же, комиссионных за перевод. Мало того что это небезопасно, так еще и обойдется на 15 тысяч долларов дороже, если предположить, что служба внутреннего контроля банка даст разрешение. Сотрудники *casa de cambio* выдвинули еще одно предложение: они проведут сделку сами, но без обещанного документального подтверждения. Они просто примут у меня наличные деньги, а их агенты за рубежом положат такую же сумму на мой счет, но я не получу никакого документа о совершении сделки. Мне придется довериться им — *опять это слово!* — но, позвонив в банк через 24 часа, я удостоверюсь, что деньги поступили на счет; правда, официально операция будет зафиксирована не ранее чем через три дня.

Мне пришлось крепко призадуматься. Десятки тысяч аргентинцев проводят такие операции каждый день. Как ни странно, для них это более надежный способ перевода валюты, чем работа с банковской системой, которая уже много раз грабила их. Для меня же серьезное значение имело то, что Мигель — человек, которому я доверял больше, чем кому-либо еще в Аргентине, — полагался на этих людей в ведении собственных счетов. Правда, его операции отличались большей прозрачностью и открытостью, чем моя, но он и проводил их регулярнее. Поэтому *casa de cambio* заинтересован в том, чтобы сохранить его доверие. Ведь доверие клиентов составляет основу их бизнеса. С другой стороны, вряд ли они рассчитывали на меня как на постоянного клиента.

Очень неохотно я согласился на полулегальную транзакцию. Все, что *casa de cambio* мог мне предоставить вместо документа, — это оторванный клочок ленты простенького печатающего калькулятора,

где значилось несколько цифр — общая сумма перевода и сумма комиссионных. На этом все. Я потерял эту бумажку в тот же самый вечер.

На следующий день мы с Мигелем вернулись в casa de cambio, чтобы получить специальный код, по которому можно было отследить прохождение платежа. Джентльмена, с которым мы собирались встретиться, не было на месте; по крайней мере, так нам сказал охранник, выглянувший из капитально укрепленной входной двери офиса. Почувствовав резкий скачок кровяного давления, я попросил пригласить другого менеджера. Охранник позвонил ему и передал от него сообщение: деньги уже поступили на мой счет. Мне как-то не верилось. Ведь говорили, что операция займет не меньше трех дней. Сердце заколотилось как бешеное. Неужели они врут? Неужели меня обвели вокруг пальца? Страшно нервничая, я вышел на улицу и перезвонил операционисту в моем банке. Тот сообщил: «Да, мистер Кейси, деньги поступили на ваш счет». Мы с Мигелем крепко обнялись.

[37]

Мы рассказали эту историю, поскольку она прекрасно иллюстрирует связь между деньгами и доверием, которая критически важна для понимания сути криптовалют и положения о том, что они замещают доверие государственному банку-эмитенту доверием компьютеризированному алгоритму; в этом смысле называть биткоин «не требующим доверия» неточно, хотя это широко распространенное определение; просто в этом случае доверие инвестируется в математические расчеты, а не в человека или корпорацию. Для функционирования денежной системы необходима некоторая модель доверия. Биткоин стремится решить эту проблему, предложив пользователям модель доверия, включающую не людей, а неоспоримые законы математики. Но у криптовалюты есть свои проблемы: не так много людей доверяют имиджу биткоина, считающегося незащищенным и слишком волатильным. Правда, некоторым и математика кажется чем-то страшным, равно как и утверждение, что компьютеры не хуже человека справляются с некоторыми функциями. Хотя применение таких соображений исключительно к биткоину свидетельствует об упущении из виду того факта, что наши основанные на традиционной валюте финансовые рынки практически полностью компьютеризированы.

В странах, где, подобно Аргентине, доверие к политическим институтам находится на очень низком уровне, проблема решается

[38]

путем эксплуатации доверия общества к семье, друзьям и отношениям, основанным на репутации. К несчастью, это совершенно неэффективная система. Такие «круги доверия» слишком малы для любой экономики, представляющей собой сложную сеть экономических отношений вне местных сообществ, причем интегрированную с остальной частью мира. Более того, эта система развилась до таких масштабов, когда кризис заставляет всех искать выход и избавляться от ненадежных песо.

Для преодоления подобной ситуации и предназначены криптовалюты. Они достигли таких масштабов распространения потому, что ни одна управляемая государством денежная система не совершенна. Аргентина — исключительный случай, но, как показали события 2008 года, любая другая национальная денежная система так же подвержена потрясениям под влиянием снижения доверия общества.

Чтобы понять, почему доверие так важно для денежной системы, и прежде чем погрузиться в проблемы функционирования и исследование глобальных перспектив криптовалюты, давайте вспомним историю ее появления и проанализируем альтернативные теории денег, возникавшие на протяжении многих веков. Надеемся, что после этого вы получите представление об истинной природе денег. Возможно, вы считаете, что деньги — это просто, ведь, в конце концов, люди пользуются ими уже тысячу лет. В действительности практика обмена с помощью денег настолько тесно связана с культурной эволюцией общества, что об этом мало кто задумывается.

В своей последней весьма провокационной книге *Money: The Unauthorized Biography* («Деньги: неавторизованная биография») [1] Феликс Мартин утверждает, что обращать внимание в первую очередь на материальную природу денег — как металла или товара — означает упускать из виду их мощную цивилизационную функцию. Он называет деньги «социальной технологией» и считает, что «...деньги — это не только деньги сами по себе. Деньги — это система взаимных обязательств и расчетов по ним» [2]. Если посмотреть на дело с этой точки зрения, то окажется, что деньги создали новые формы социальной организации, сменившие племенной строй. В доисторическую эпоху племенного строя действовали властные структуры, поддерживавшие порядок за счет применения силы со стороны любого, кто ею обладал.

Появление универсальной системы измерения ценности означало, что теперь все члены общества, а не только физически сильные или сплоченные могли добиваться успеха. Благосостояние, понимаемое как накопление этой новой абстрактной меры стоимости, становилось критерием могущества. Правила игры радикально изменились.

Чтобы подтвердить свою точку зрения, Мартин приглашает читателей на остров Яп в Микронезии [3]. Он описывает уникальную денежную систему, которая потрясла первых визитеров из Европы: она состояла из каменных дисков, называвшихся *фэй* и достигавших 3,7 метра в диаметре. Камень для них добывали почти в 500 километрах от острова. После совершения сделки было весьма неудобно транспортировать эти огромные известняковые камни к новому владельцу, поэтому зачастую их оставляли на прежнем месте. Однако в япском обществе установилось взаимопонимание относительно того, что переход права собственности на эти массивные символы преуспеяния фиксируется в серии транзакций, таким образом давая возможность рассчитываться с неоплаченными долгами. Мартин цитирует выдержку из дневника молодого американского искателя приключений Вильяма Генри Фурнесса III о том, как один такой *фэй* упал за борт при перевозке морским путем с острова Бабелтуап, но при этом все равно остался законным средством платежа для своего нового хозяина.

Денежная система *фэй* наглядно показывает, насколько далеко общество может зайти в создании абстрактных образов ценности и власти. Эта концепция неоднократно использовалась в том или ином виде, по мере того как общества приходят к пониманию универсальной ценности денег, и она на редкость устойчива. Мы наблюдаем появление денег в Древней Греции, а возникновение прогрессивного демократического строя знаменовало собой шаг вперед по сравнению с предыдущим рабовладельческим строем, где власть была более грубой и жесткой. Деньги открыли для греков мир и создали невиданные ранее возможности.

Осознание сути денег как абстрактной меры стоимости сыграло важную роль в развитии цивилизации и сильно повлияло на умы отдельных индивидуумов, предпочитающих материалистическое объяснение принципов функционирования мира, а особенно функций стоимости. И на наших глазах эта картина повторяется. Ведь старшее поколение, выросшее в эпоху реальной экономики и материальных

[40]

товаров, пытается осознать, зачем кому-то необходимо покупать «виртуальные товары» — вроде тех, которые продаются в онлайн-играх, например Second Life, — не говоря уже о том, чтобы платить за них виртуальной валютой. Мы можем без конца упражняться в интеллектуальных дискуссиях на тему «Что такое деньги», но на практике нам очень трудно преодолеть глубоко укоренившееся убеждение в том, что доллар, или евро, или даже биткоин обладают собственной материальной ценностью.

Теперь пойдем дальше и достанем из бумажника купюру в один доллар, а можно и евро, фунт или иену — все, что найдете (если, конечно, предположить, что вы все еще носите с собой наличные деньги). Внимательно посмотрите на нее. Теперь задайте себе вопрос: сколько она стоит?

Можно не сомневаться, что первым вам придет на ум ответ: «Хм-м, один доллар». Но подумайте еще раз. Сколько эта купюра стоит на самом деле? Какой внутренней стоимостью обладает эта *вещь* в вашей руке размером 6,6 на 15,6 сантиметра?

Хорошо, если вам это нравится, на купюре можно что-то записать; можно сделать из нее держатель для записок, хотя и менее удобный, чем качественный готовый блокнот. Наркоманы могли бы подтвердить, что ее можно использовать для вдыхания кокаина. Правда, это, скорее, один из вариантов ее применения в качестве подручного средства, чем изначально заложенное в ней предназначение. Вряд ли какие-то другие материальные объекты настолько унифицированы, как доллары или валюта любой другой страны. Ведь это не молоток, стол или автомобиль, или продукты, или оказанная услуга, как, например, стрижка или поездка на такси.

До некоторой степени этот клочок бумаги похож на другие клочки бумаги, также играющие важную роль в нашем обществе, — письменные контракты. Их ценность определяется отнюдь не стоимостью бумаги, на которой они напечатаны, а тем, что суд примет содержащиеся в них утверждения как доказательство сделки, которая при определенных обстоятельствах может быть осуществлена в принудительном порядке. Это подтверждение сделки между двумя сторонами, которое предоставляет право каждой из них выдвигать требование к правоохранительной системе о принуждении другой стороны

к исполнению ее условий. Но в чем состоит сделка, подтверждением которой служит банкнота достоинством в один доллар? Уютно устроившаяся в вашей руке, она представляет собой туманное обещание, подтверждение правительства США, что оно должно вам один доллар. Дядя Сэм обязуется принимать эти банкноты и уменьшить на их сумму ваши долги перед ним — налоговые платежи, штрафы, всевозможные сборы и прочее, — но на всех оставшихся после этого долларах, то есть вашей зарплате после всех вычетов, он ничего не собирается зарабатывать. И, если задуматься, как бы он мог это сделать?

[41]

В строгом юридическом смысле доллар представляет собой требование к банковской системе, а значит, и к Федеральной резервной системе (ФРС), которая, выпустив банкноту в оборот, устанавливает права всех будущих ее держателей. Банк и ФРС ответственны за признание ваших требований на сумму, указанную на банкноте. Попросту говоря, если вы положите доллар на свой счет, то банк признает, что должен вам этот доллар. Но это еще не объясняет того, откуда именно у банкноты берется внутренняя стоимость. С практической точки зрения ее стоимость определяется тем обстоятельством, что все окружающие по соглашению признают, что ваш доллар можно обменять на заранее согласованное количество услуг или товаров. Если это соглашение вдруг будет расторгнуто, внутренняя стоимость вашего доллара рухнет очень быстро — аргентинцам это хорошо известно, поскольку их страну периодически накрывают волны гиперинфляции. Поэтому стоимость доллара определяется не только и не столько тем, что банк фиксирует его как свое и ФРС обязательство; гораздо большее значение имеет готовность общества принимать его в погашение обязательств. Общественный договор в качестве источника стоимости денег и утверждение о существовании их *внутренней* стоимости — это разные вещи.

Обычно в этот момент на сцену выходят «золотые жуки» — так в финансовом мире называют сторонников золотого стандарта — и обещают решить проблему внутренней стоимости денег. Они утверждают, что золото представляет собой настоящую валюту, поскольку оно тяжелое, осязаемое, способно длительно храниться и обладает внутренней стоимостью. В условиях их любимого золотого стандарта вы действительно сможете предъявить свой доллар правительству США и требовать возмещения на такую же сумму, но в золоте.

[42]

Но тогда возникает другой вопрос: какова действительная стоимость бруска золота? Чему на самом деле равна его внутренняя стоимость? «Золотые жуки» назовут вам тысячу вариантов использования этого непортящегося, полностью взаимозаменяемого металла. Свойства золота впечатляют: этот металл одновременно ковкий и не-тленный. Его можно расплавить и отлить в новую форму, но при этом золото не потеряет своего блеска и великолепия. Его электропроводимость используется в печатных платах, а способность сохранять форму и не окисляться — при изготовлении зубных протезов. Но давайте уточним: стоимость золота не определяется перечисленными возможностями его применения. Действительно, на эти цели идет лишь очень небольшая часть от общего предложения золота на рынке. В гораздо большей степени его стоимость зависит от привлекательного вида, о чем свидетельствует его широкое применение в ювелирном деле, архитектуре, при изготовлении предметов домашнего обихода. И тут мы снова попадаем в замкнутый круг дискуссии о внутренней стоимости золота: трудно отличить наше личное отношение к красоте золота — примерно такое же, как к красивому цветку, например, — от идеи о том, что его привлекательный внешний вид скрывает внутреннюю ценность, олицетворяющую благосостояние, процветание и престиж.

Золото — редкий товар. Говорят, что золота, полученного за всю историю его добычи, едва хватило бы, чтобы доверху заполнить два олимпийских плавательных бассейна. Но редкость — относительное свойство, которое проявляется только в том случае, если на товар есть спрос. Существует бесчисленное множество материальных ценностей, которые считаются редкими, однако они не обладают стоимостью, поскольку не пользуются спросом. Это означает лишь то, что людям нужно золото. Но зачем?

Мы все время ходим по кругу. Единственный вывод, который нам удалось сделать, представляет собой тавтологию: золото имеет стоимость в качестве денег или инвестиций, поскольку мы верим в то, что оно обладает стоимостью; собственно говоря, деньги обладают стоимостью по той же самой причине. Стоимость золота как денег представляет собой абстрактный социальный феномен. Эта стоимость действительно существует. Она на самом деле влияет на мир. На протяжении всей истории человечества непрерывно лилась кровь, захватывались земли, создавались и распадались нации в погоне за этим

блестящим металлом. Вся эта известная, а иногда и отвратительная история проистекает из того факта, что человечество очень рано осознало: золото идеально подходит на роль денег и хранилища стоимости. Это один из немногих материалов, сочетающих в себе набор ключевых свойств, необходимых для выполнения роли денег: редкий металл, хранящийся неограниченно долго, делимый на равные и взаимозаменяемые части, легко транспортируемый, легко поддающийся проверке качества. Все это присуще любой отдельно взятой единице золота, поэтому она легко замещается другой, такой же по весу. Благодаря этим качествам все нации и народы вынуждены были согласиться с тем, что золото будет выступать в качестве денег. И это соглашение придает ему стоимость. Но опять же, все это не означает, что золото имеет собственную *внутреннюю* стоимость.

[43]

Стороны веками длившихся дебатов о сути денег поделились на два основных лагеря. Одна школа считает деньги просто товаром, изначально существовавшей материальной ценностью, обладающей внутренней стоимостью. Представители этой школы считают, что народы выбирают определенные товары, которые становятся общепризнанными средствами обмена и позволяют отказаться от весьма обременительного бартера. Меняя овечьи шкуры на хлеб, трудно определить правильную пропорцию, поэтому торговцы в нашем аграрном прошлом договорились, что один-единственный товар — будь то ракушки, камешки или золото — будет обмениваться на все остальные. Эта концепция, известная под названием металлизма, выдвигает следующий тезис: деньги должны иметь материальное воплощение либо свободно обмениваться на некие материальные ценности [4]. Такой ортодоксальный взгляд на деньги характерен для многих «золотых жуков» и сторонников металлических денег из так называемой австрийской школы экономики, пережившей после финансового кризиса настоящий ренессанс и критикующей экспансию центрального банка и инфляцию бумажных валют. Они винили в кризисе «мыльный пузырь» активов, лопнувший в результате безрассудного наращивания денежной массы никем и ничем не ограничиваемыми центральными банками.

Сторонники второй концепции, получившей название хартализм*, не концентрировались на материальном воплощении денег,

* Термин *хартализм* происходит от латинского слова *charta*, означающего «бумага».

[44]

подчеркивая тот факт, что они отражают прежде всего отношения взаимных расчетов и доверия между индивидуумом и обществом. Эта точка зрения, которую мы разделяем, соответствует пониманию сути криптовалюты и признает существование неформализованного, охватывающего все общество соглашения, обеспечивающего проведение денежных расчетов, возникновение и погашение взаимной задолженности. Деньги *представляют собой* результат этого соглашения — по сути, политический проект. Деньги — это не то же самое, что денежные знаки. Последние лишь символы, вокруг которых формируется сложная денежная система. Эта концепция естественным образом нашла отклик у тех экономистов, которые считали, что у политиков есть общественное предназначение — управление экономикой на благо общества. Наиболее известные представители этой группы экономистов — Джон Мейнард Кейнс и его последователи. Эта же идея лежит в основе жесткой структуры любой криптовалютной системы, которая не дает возможности проводить кейнсианские интервенции денег, но при этом ничуть не меньше традиционных денег зависит от общественного соглашения о приеме криптовалюты в погашение задолженности.

Представители этой философской концепции обсуждали основополагающие вопросы, касающиеся криптовалют, в частности необходимость и методы их регулирования. Появление биткоина привлекло многих сторонников металлистской концепции, в первую очередь либертарианцев и анархо-капиталистов, требовавших от правительства убрать свои загребушие руки от регулирования денежного предложения. Учитывая нематериальную природу биткоина, они считали эту цифровую валюту редким товаром, *вещью*, которую следует еще «добыть» и сохранить; вещь с математически обоснованным конечным предложением, которое гарантирует рост ее стоимости по сравнению с бумажными деньгами (например, долларом), ведь их предложение фактически неограниченно. Однако многие другие сторонники криптовалют, включая представительную группу технических специалистов и предпринимателей, видят в них шанс подорвать администрируемую банками систему расчетов. Их можно считать, собственно говоря, харталистами. Они считают биткоин не деньгами, а протоколом платежей. Их интересует не столько привлекательность биткоина как вещи, обладающей собственной внутренней стоимостью, сколько способность лежащей в его основе компьютерной сети реорганизовать

отношения доверия, на основе которых общество проводит обмен ценностями. Они рассматривают деньги как способ признания долговых обязательств и их погашения.

[45]

Эти отличия очень важны, в чем мы убедимся, рассмотрев в последующих главах перспективы развития криптовалют. Но пока давайте обратим взор в далекое прошлое и вспомним о тех событиях, которые привели нас к нынешнему положению вещей.

Откуда и когда пошли деньги? Ответ на этот вопрос зависит от того, к какому лагерю теоретиков вы принадлежите. Любая попытка обсудить проблемы истории денег почти неизменно заканчивается переключением на обсуждение проблемы их *историчности*, поскольку невозможно рассматривать эволюцию этого понятия, не упоминая о его восприятии обществом.

Исходя из этого, многочисленные сторонники металлизма смотрят на происхождение денег глазами Аристотеля, который писал: «Когда обитатели одной страны попадают в зависимость от обитателей другой, импортируя оттуда нужные им вещи и экспортируя то, что имеют в избытке, на сцене неминуемо появляются деньги» [5]. Точка зрения, якобы в какой-то момент торговля достигла такого развития, что бартер уже не мог обеспечить ее потребности, через два тысячелетия после своего первого появления была поддержана Адамом Смитом в книге «Исследование о природе и причинах богатства народов»* [6]. В частности, он говорит о том, что общины в Перу и вообще в Новом Свете торговали только по бартеру, пока их не познакомили с гениальным европейским изобретением — монетами. Смит критически относился к широко распространенному мнению, что мы последовательно перешли от бартера к деньгам и долговым обязательствам. Он доказывал, что, разделив трудовые обязанности в соответствии со своими талантами, люди сумели произвести добавочное количество товаров для продажи, но при этом не сумели справиться с тем, что в среде экономистов называется «совпадением интересов». Иными словами, не существовало никакой гарантии, что первый встречный покупатель готов обменять свою овцу на запас наконечников стрел, которые вы хотели продать. Поэтому легко обмениваемый и идентифицируемый товар

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2016.

[46]

был избран в качестве общепризнанного стандарта для обеспечения обмена. Этот товар получил название денег. В соответствии с данной концепцией деньги сами по себе являлись *вещью*, имеющей внутреннюю стоимость. После того как мы наделили деньги особыми функциями в процессе обмена, они открыли двери для других инструментов обмена, включая управление долгом.

Если вы харталист по убеждениям, то выберете другую точку отсчета в истории. Во-первых, вы назовете мифом историю о первородности бартера. В защиту своей точки зрения вы привлечете десятки работ антропологов XX века, объездивших немало мест, где и не слышали о таком феномене, как деньги. Эти антропологи подтвердят, что не нашли никаких свидетельств использования бартера в примитивных обществах, по крайней мере в качестве основной системы обмена. Вместо этого общества предпочли выработать кодексы поведения для упорядочения разнообразных долгов и обязательств. Иными словами, долги выходили на первый план. Антрополог Дэвид Гребер выдвинул гипотезу о том, что специфические долговые соглашения, по всей видимости, были выработаны на основе обменов подарками, которые порождали у их получателей желание отблагодарить дарителя [7]. После этого появились кодифицированные системы оценки стоимости на основе установленных размеров штрафов за всевозможные прегрешения. Например, за убийство чьего-либо брата следовало отдать двадцать коз. С того времени люди начали воспринимать деньги как систему разделения, возмещения и оплаты всех долгов внутри общества.

С учетом кардинального расхождения во взглядах металлисты и харталисты очень по-разному оценивают ведущую роль государства в чеканке денег, которую оно играло на протяжении многих веков. С точки зрения металлистов, правительства попросту выполняли контрольную функцию, удостоверяя количество и качество металла в каждой отчеканенной монете. А с точки зрения харталистов, государство в конечном счете стало клиринговой организацией самого высокого уровня по взаимозачету долгов и обязательств благодаря своему монопольному положению в сборе налогов — ведь налоги можно платить только полновесной монетой.

Независимо от того, какой позиции придерживаются те или иные ученые, большинство из них согласны с тем, что первая зафиксированная в истории денежная система появилась около 3000 года

до нашей эры в Месопотамии, находившейся на территории современного Ирака и части других государств. Тогда вавилоняне начали использовать серебро и ячмень в качестве универсальных средств обмена и единиц стоимости. Примерно в то же время там же появился Кодекс Хаммурапи — один из наиболее древних сохранившихся памятников письменности, а также первый пример письменного изложения норм закона. В Кодексе приведены правила расчетов по долговым обязательствам, согласно которым долги можно погашать как серебром, так и ячменем. В соответствии с этими инструкциями бухгалтеры в ранней Месопотамии должны были вести записи о расчетах между гражданами; для этого они пользовались специальными глиняными табличками. Их записи велись с помощью более или менее понятной системы клинописных знаков, вытеснившей иероглифическое письмо, которым владели только представители знати и высшего духовенства.

[47]

С течением времени положение человека в обществе стало определяться способностью приобретать материальные ценности, выраженные в денежной форме, даже в большей мере, чем правом карать других. Таким образом, появление денег сделало расчеты между людьми менее зависимыми от кровопролития и хаоса [8]. По мере того как мир упорядочивался, он становился более удобным для торговли. Именно на этой основе получили развитие великие античные цивилизации: Месопотамия, Греция и добившийся наибольшего успеха Рим.

Расцвет и закат этих цивилизаций совпал по времени с распространением денег, и сейчас уже невозможно выяснить, какое из этих двух событий было причиной, а какое следствием. Широкая экспансия Римской империи в значительной мере способствовала превращению ее монет в легальное средство платежа на огромных территориях Европы и Ближнего Востока. Причиной политической нестабильности, в конечном счете ослабившей империю и доведшей ее до коллапса, отчасти стало снижение покупательной способности римских денег из-за все чаще повторявшихся периодов бешеной инфляции, которые только усугублялись в результате попыток императора Диоклетиана установить контроль цен [9]. После падения Рима в Европе наступили Темные века, и ее население в значительной мере утратило вкус к операциям с деньгами. Отдельные судорожные попытки возобновить хождение денег не имели успеха вплоть до Ренессанса. Как пишет

[48]

историк Ниалл Фергюсон, восстановление денежного обращения и одновременное учреждение банков семьей Медичи из Флоренции профинансировало резкое увеличение объемов мировой торговли, а также оплатило архитектурные и художественные достижения эпохи [10]. Все это проложило путь Европе в Новое время, в котором деньги и финансовая система стали центром влияния.

На протяжении истории человечества деньги преимущественно выпускали те, кому принадлежала власть, будь то короли или демократически избранные правительства. Власти штамповали свои полномочия как в буквальном, так и в фигуральном смысле на деньгах, напоминая гражданам о глубинной связи между деньгами и властью.

Статиры — монеты из сплава золота и серебра — известны благодаря изображенной на них голове льва и считаются первыми чеканными деньгами [11]. Они происходили из Лидийского царства (находившегося на территории современной западной Турции). Царь Алиатт, предположительно выпускавший эти монеты, стал автором просуществовавшей долгие века концепции денег как предмета искусства — концепции, которая придала этим непрактичным и неодушевленным предметам огромную власть, значение и бесспорную ценность.

Внимательно взгляните на однодолларовую купюру. Обратите внимание на орнамент, идущий по краю, и листья, обрамляющие голову Джорджа Вашингтона, а также печати эмитента — регионального банка Федеральной резервной системы и Министерства финансов США. На обратной стороне еще более изящный орнамент обрамляет слова «один» и «На Бога уповаем» вместе с оттисками обеих сторон большой государственной печати США — распростерший крылья белоголовый орлан справа и Всевидящее око на вершине усеченной пирамиды слева. Это хитросплетение линий в стиле барокко трудно воспроизвести, что помогает противодействовать фальшивомонетчикам; этой же цели служат вкрапленные в бумагу волокна, водяные знаки и металлические нити. Но не менее важно и то, что это прекрасное изображение просто производит большое эстетическое впечатление. Оно наполнено семиотическими символами, ассоциирующимися с властью и порядком.

Художественные изображения на деньгах помогают нам понять убеждение металлистов в том, что денежные знаки обладают внутренней

стоимостью. И нам не удастся избавиться от символизма государственной власти, которая ассоциируется с деньгами. Несчетное число монархов после царя Алиатта использовали столь же драматические символы для нанесения на монеты. Они придавали деньгам аутентичность и одновременно выступали в роли королевского бренда, символа неограниченной королевской власти. Нам постоянно напоминают, что эти деньги и власть непобедимы.

Право суверена чеканить монету давало ему одно специфическое преимущество — возможность взимать плату за изготовление монет, то есть получать доход непосредственно от выпуска денег в обращение. В наши дни эмиссионный доход возникает оттого, что, печатая деньги на почти ничего не стоящих клочках бумаги, правительство получает беспроцентный заем. Но в те времена, когда деньги ассоциировались с отливками драгоценных металлов определенного веса, монархи получали этот доход более явным способом. Кое-кто «обрезал» золотые и серебряные монеты, переплавлял обрезки и выпускал монеты со сниженным весом. До того как монеты получили стандартную номинальную стоимость, властители могли своим решением обесценивать самочинно установленную стоимость конкретной монеты, заявляя, что за нее теперь можно получить меньше полезных товаров, а для уплаты прежней суммы налога отныне потребуется больше таких монет. Фактически монархи отрекались от обещания принимать свои долговые обязательства, то есть деньги по определенной стоимости, а значит, могли погашать свои долги с определенным дисконтом в зависимости от того, насколько будут «обрезаны» монеты. С тем же успехом коронованных особ подталкивали к дополнительной эмиссии для покрытия *своих* долгов. Не стоит и говорить о том, как это раздражало состоятельных граждан — дворян, аристократов, а впоследствии и представителей буржуазии, для которых периодические произвольные девальвации денег означали существенное уменьшение их накоплений. По мере того как росло их сопротивление подобным действиям, появлялись и получали распространение некоторые великие либеральные идеи, положенные в основу современного демократического строя, а до этого приведшие к созданию Соединенных Штатов Америки и к Великой французской революции. Ныне этот дух сопротивления можно встретить у некоторых «евангелистов» от биткоина.

[50]

Задолго до того, как у средневековых европейских монархов появились монеты, с которыми можно было мошенничать, китайские императоры перешли на вторую ступень технологической эволюции денег [12]. Когда в IX столетии некоторые регионы, например Сычуань, столкнулись с дефицитом бронзы, из которой чеканили монеты, правительственные чиновники начали экспериментировать с выдачей долговых расписок, некоторое время функционировавших как разновидность бумажных денег. Затем в 1023 году династия Сун выпустила полноценные бумажные деньги, имевшие хождение по всему царству.

Несколькими столетиями ранее в Китае появилась идея о том, что деньги представляют собой часть правительственного механизма — именно так ее сформулировали придворные ученые. Они описывали деньги как средство «сохранять богатство и товары, регулируя тем самым производительный труд граждан. Вследствие этого деньги приносят мир и покой в Поднебесную империю» [13]. Такой подход полностью противоречит взглядам металлистов на деньги как на обычный товар, зато неплохо согласуется с современными взглядами банкиров из центральных банков на необходимость управления предложением денег. Различие состоит в том, что ответственность правителей Китая проистекала не из законодательных норм, а из морального кодекса, созданного на основе конфуцианских взглядов на императора как на высшее благо для упорядоченного общества Среднего царства. В наши дни Китай сталкивается с конкуренцией со своей валютой (юанем), возникающей по причине спроса собственных граждан на валюту других стран, например на доллар, и пока только формирующейся, но потенциально очень серьезной угрозой со стороны частных цифровых валют, в том числе биткоина. В то время как эта конкуренция оказывает все большее влияние на мировую экономическую ситуацию, лидеры страны все еще находятся в плену древней концепции контролируемых исключительно государством денег, которая в современном обществе уже миновала пик своей популярности.

В Европе борьба между частным и государственным секторами за контроль над денежной системой имеет гораздо более долгую историю. Пока одни люди жаловались на то, что правители постоянно портили монеты, находились те, кто реализовывал обходные варианты, что приводило к чеканке денег в частном порядке.

Наиболее оригинальный пример такого обходного варианта — это так называемый *ecu de marc* (марковый эку), или банковская монета [14]. Этот вид денег, созданных коммерческими банкирами для собственного применения в эпоху Ренессанса, позволял банкам развивать бизнес в международном масштабе. Курс обмена таких монет заранее согласовывался коммерческими банками; в результате *ecu de marc* давал возможность проводить взаимозачет коммерческих векселей, выпущенных различными банками в разных странах. Правительства в каждой стране жестко контролировали эмиссию и обращение денег, но банкиры разработали собственную систему международных расчетов, изобретя чудо коммерческого кредита. В оплату за отгруженный товар — скажем, обуви, произведенной в Венеции и отправляемой купцу в Брюгге, — принимались векселя, что приносило прибыль производителю, но в еще большей мере обогащало банк, фактически торговавший бумагой. Этот урок прочно усвоен многими поколениями банкиров с давних времен до наших дней. Впервые частное сообщество сумело создать собственную систему эмиссии денег. Прямая угроза власти монархов вызвала к жизни политические столкновения, поскольку все короли и королевы в Европе опасались, что их монополярная власть будет подорвана.

[51]

Но банкирам не нужна политическая власть сама по себе. Ведь они прагматичные бизнесмены, что и доказали на протяжении последующих столетий. Частные деньги они использовали для заключения сделок с правительством, а иногда и в качестве средства давления на него, но главным образом для ведения собственной коммерческой деятельности и приумножения благосостояния.

Переговоры между правителем и этими новыми приватными эмитентами денег в итоге завершились изданием королевской охранной грамоты, в соответствии с которой в 1694 году был учрежден Банк Англии, или БА, как его сейчас называют брокеры по ценным бумагам в лондонском Сити [15]. Он был создан по распоряжению короля Уильяма III, желавшего построить самый сильный в мире флот для победы над Францией, которая господствовала в то время на море. Первоначально этот частный банк (национализированный только после Второй мировой войны) предоставил короне заем на 1,2 миллиона фунтов стерлингов, для того времени очень крупной суммы, а затем под этот заем выпустил векселя, тем самым эффективно

[52]

перекредитовав его. Чтобы придать этим векселям такую же стоимость, как у денег, король согласился принимать их в уплату налогов. Таким образом, за один присест это соглашение создало особую форму бумажных денег, гарантированных правителем, учредило банк с частичными резервами — что стало ключевым принципом современного банковского дела, позволяющим регулируемым банкам выдавать в кредит большую часть денег, принятых в качестве депозитов, — а также утвердило идею центрального банка. По сути дела, Банк Англии получил лицензию на печать денег.

Так началась история современного банковского дела, и эти события оказали огромное влияние на экономику Англии. Новые финансовые структуры помогли стране создать первоклассный морской флот, благодаря чему она господствовала на морях от одного полюса до другого. Кроме того, эти структуры профинансировали промышленную революцию. Банковский кредит, по сути, стал деньгами, поскольку гарантировался правителем государства. Это новое определение денег с тех пор стало доминирующим. Со временем новая британская финансовая система развилась до такого уровня, что рядовые граждане обзавелись текущими счетами, а компании могли пользоваться всеми видами банковских кредитных инструментов для финансирования чего угодно — от текущих хозяйственных операций до крупномасштабных проектов. Теперь банки могли ругаться своим добрым именем за заемщика и выступать в качестве поручителей, а кредитные инструменты превратились в объект купли-продажи, что дало невиданный ранее стимул развитию фондового рынка.

В свою очередь этот финансовый прорыв способствовал повышению ликвидности в экономике, но одновременно повысил и уровень риска. Он создал такие перспективы развития предпринимательства и накопления капитала, о которых раньше нельзя было и мечтать. При этом появилось такое явление, как системный риск. Убытки, понесенные одним финансовым учреждением, могли дестабилизировать несколько других учреждений, поскольку все они связаны между собой в рамках финансовой системы. В результате вся система становится уязвимой перед колебаниями самого важного общественно-го товара — доверия. Постоянно расширяющаяся сеть переплетающихся кредитных взаимоотношений создала условия для того, чтобы,

например, текстильная фабрика могла финансировать расширение своей деятельности, а впоследствии даже для создания паровых котлов; впрочем, далеко не каждая текстильная фабрика получала прибыль и далеко не каждый бизнесмен аккуратно платил свои долги. Хотя дефолты по кредиту и банкротства закономерные следствия принятия на себя финансовых рисков, в условиях взаимосвязанности отдельных звеньев финансовой системы они могут вызвать эффект домино. Если заимодавец начинает беспокоиться, что крупный заемщик не справится с платежами по кредиту, то другим заемщикам может быть отказано в предоставлении кредита. Если у последних в данный момент имеются финансовые трудности, это способно привести к их банкротству и распространению тревожных настроений в деловой среде. В свою очередь, это обусловит дальнейшее падение и без того хрупкого общественного доверия. Если оно истощится окончательно, объемы кредитования уменьшатся и даже платежеспособные заемщики не смогут воспользоваться кредитом, что негативно скажется на финансовых результатах кредиторов и приведет к окончательному краху системы общественного доверия. Именно так начинаются финансовые кризисы. Деньги получили невиданную ранее свободу, но в ней таились новые опасности.

[53]

Финансовая нестабильность вызвала ожесточенные дебаты о том, каким образом можно ее контролировать, а также более глубокие споры о сущности денег. Эти дебаты шли долгие годы и способствовали формированию современной финансовой системы. Однако взгляды на то, каким образом можно сохранить в обществе доверие к денежной системе, существенно разошлись. На одном их полюсе оказались те, кто верит в золото как в деньги.

Основанный на идеях либеральных мыслителей, в том числе великого английского философа Джона Локка, золотой стандарт получил распространение в конце XVII века [16]. Люди чувствовали, что необходимо привязать стоимость денег к ценности, имеющей материальное воплощение, чтобы предотвратить попытки правительств и их новых партнеров в лице банковского сектора спекулировать на обесценении национальных денег. Эта модель доказала свою эффективность в обуздании инфляции, что помогло сохранить сбережения зажиточных слоев населения. Однако монетарные ограничения и возросшая стоимость золота вынуждают людей хранить деньги

[54]

дома, что ограничивает возможности банковского кредитования, увеличивает количество банкротств и генерирует безработицу. В такие времена наибольшие жертвы всегда приносят самые бедные слои общества. По мере того как финансовая система переживала кризис за кризисом, сформировалась альтернативная концепция факторов, влияющих на предложение денег и его динамику. Ее сторонники концентрировались не на том, как ограничить стремление правительства печатать деньги, а на том, как следует регулировать банки, выполняющие уникальные функции создателей частных, генерируемых развитием кредитных отношений денег. Лидером этой концепции стал в XIX веке редактор журнала *Economist* Уолтер Бэджет, а ее идеи легли в основу организации современной банковской системы с центральным банком во главе. Поддерживаемые правителями, которые ни в коем случае не могли обанкротиться, такие центральные банки, как Банк Англии, выполняли функции «кредитора последней надежды», призванного преодолеть кризис недоверия к банковской системе. Они соглашались свободно кредитовать платежеспособные банки, если у тех случались проблемы с ликвидностью в периоды финансовых кризисов. Хотя Бэджет считал, что по таким кредитам должна устанавливаться повышенная процентная ставка и они должны обеспечиваться надежным залогом, эта функция превратила центральные банки в своего рода якоря экономики, зацепившись за которые, можно было остановить волну финансовой паники. Золотой стандарт все еще существовал, однако новые функции центральных банков не на шутку всполошили его приверженцев, питавших отвращение к ничем не ограниченной мощи банковских структур и беспрепятственно растущей задолженности.

Эти аргументы громко звучали в США, значительно затормозив создание центрального банка в этой стране. В течение 150 лет там сменилось немало режимов денежного обращения — иногда они включали эмиссию денег центральным банком, а иногда параллельно в обращении находилось несколько видов валюты, конкурирующих между собой и выпущенных коммерческими банками в рамках различных соглашений с федеральными властями и руководством отдельных штатов. В итоге доллар завоевал господствующее положение, но для этого потребовалось пережить несколько периодов бешеной финансовой паники в конце XIX и начале XX века. Только после

этого американцы пришли к выводу, что им необходим центральный банк, и в 1913 году была основана Федеральная резервная система. Сотню лет спустя ФРС продолжает оставаться объектом критики и насмешек в некоторых властных кабинетах. Оппоненты обвиняют ее в надувании «пузырей активов», инфляции. Зато ее приверженцы подчеркивают, например, что без массивных интервенций ФРС в экономику во время кризиса 2008–2009 годов ситуация в стране оказалась бы гораздо хуже.

[55]

Очевидно, действия ФРС по поддержанию стабильности финансовой системы США нельзя назвать безупречными. Пример № 1 — Великая депрессия. Пример № 2 — инвестиционный банк Lehman Brothers. Однако XX век показал примеры того, насколько опасно побуждать центральный банк к неосторожным действиям. В период Великой депрессии золотой стандарт связал руки ФРС в самый неудачный момент, ограничив ее способность эмитировать деньги и компенсировать тем самым неспособность находившегося в ступоре банковского сектора выдавать кредиты. Это привело к углублению кризиса. В итоге от привязки валюты к стоимости золота отказались, освободив банки от этой смирительной рубашки и оказав содействие финансово обескровленной глобальной экономике в восстановлении ликвидности.

После Второй мировой войны правительства опять искали монетарный якорь для укрепления стабильности компаний, в частности центральный стержень стабильности для потрясенной международной экономики. Британия — под предводительством экономиста Джона Мейнарда Кейнса — стремилась разработать решение на международном уровне, реализацией которого мог бы заняться вновь созданный Международный валютный фонд (МВФ). Но в конечном счете США как единственная ведущая мировая держава, не опустошенная войной и имеющая доминирующую в глобальном масштабе валюту, взяла руководство операцией на себя [17]. Американский доллар стал центральным стержнем, вокруг которого функционировала глобальная экономика. Такое положение сохраняется по сей день.

Пакт, подписанный на Бреттон-Вудской конференции в 1944 году, отменил привязку доллара к золоту, одновременно привязав к доллару валюты остальных стран мира. Правительства других государств, хранившие свои резервы в долларах, получили право перевести их

[56]

в золото по фиксированной ставке. Это служило финансовым стабилизатором на протяжении двух с половиной десятилетий, но в конце 1960-х годов внутренние ограничения Бреттон-Вудской системы (в данном случае введенные ФРС) пошатнули ее устойчивость. США, понесшие огромные затраты на Вьетнамскую войну и неспособные конкурировать с более дешевыми продуктами из-за рубежа, не смогли получить достаточно иностранной валюты и пополнить свои золотовалютные резервы. Их нехватка стала ощущаться все более явно, и при этом некоторые страны, например Франция, требовали перевода своих резервов из доллара в золото. Чувствуя, что попал в ловушку, президент Ричард Никсон пошел на крайние меры: 15 августа 1971 года он отменил конвертируемость доллара в золото. Это решение готовилось всего лишь несколькими специалистами из Министерства финансов, ФРС и Белого дома.

«Шоковая терапия» от Никсона окончательно лишила смысла Бреттон-Вудское соглашение. К 1973 году почти все страны отменили привязку своих валют к доллару, и на соглашении был поставлен крест. Теперь правительства самостоятельно решали, какой объем денежного предложения нужен их странам. Казалось, наконец-то пришло время харталистов. В этом новом веке бумажных валют доверие к деньгам стало вещью относительной и очень непостоянной: вы доверяете доллару больше, чем фунту стерлингов, или наоборот?

Отчаянный шаг Никсона достиг поставленной цели в одном отношении: он позволил снизить курс доллара и тем самым стимулировать американский экспорт. Благодаря этому Уолл-стрит получила новые колоссальные возможности развития торговли с расчетами в иностранной валюте. Поскольку доллар больше не был привязан к золоту, банки могли предоставлять кредиты в глобальном масштабе, и это открыло дорогу процессам глобализации мировой экономики. Кроме того, это привело к появлению мультинациональных мегабанков, считавшихся слишком большими для того, чтобы обанкротиться — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Впрочем, долгожданное оживление в американской экономике после 1971 года быстро сошло на нет под давлением новых, хотя и вполне предсказуемых обстоятельств. На фоне нефтяной блокады, введенной странами — экспортерами нефти в 1973 году, слабеющий неконтролируемый доллар немедленно генерировал инфляцию.

По мере того как стоимость наиболее важной валюты в мире падала, росла стоимость товаров и услуг, которые можно было на нее купить. (Мы считаем, что всегда полезно помнить о том, что концепция цены имеет два аспекта: выражение стоимости товаров в долларах и выражение стоимости доллара в том количестве товаров, которые можно на него купить. Когда стоимость товаров в долларовой выражении растет, стоимость доллара, выраженная в количестве приобретаемых на него товаров, по умолчанию должна падать. В этом состоит суть инфляции.) Однако на этот раз инфляция пришла не одна, а вместе с высоким уровнем безработицы, сбивавшей с толку экономистов, а также с новым явлением, которому дали название, казавшееся несколько неуместным в их лексиконе, — *стагфляция*.

[57]

В 1970-х годах цены продолжали бурно расти, что и проложило дорогу новому финансовому мессии — двухметроворостому Полу Волкеру. Решительный председатель ФРС торжественно поклялся сломать инфляции хребет, даже если ради этого потребуются опять свергнуть экономику в рецессию. Именно это он и сделал, проведя серию болезненных повышений ставки процента. Воспоминания о том времени, когда инфляция существенно обесценила доллары в карманах людей и обрекла их на жизнь в условиях сокращающейся экономики, настолько свежи в умах того поколения, что его представители до сих пор отдают предпочтение редким и обладающим независимой внутренней стоимостью «валютам» вроде золота и, как мы позже увидим, биткоина.

После решительных мер Волкера ситуация резко улучшилась, по крайней мере, на какое-то время. В индустриальных странах наступил период Великого спокойствия с низким, прогнозируемым уровнем инфляции и стабильными темпами роста, время от времени прерывавшегося короткими рецессиями. Европа начала действительно амбициозный эксперимент по созданию валютного союза. В течение первых десяти лет он, казалось бы, имел ошеломительный успех, поскольку евро чудесным образом распространил высокий кредитный рейтинг Германии на такие когда-то застойные страны, как Ирландия и Испания. В них наблюдался огромный приток капитала и беспрецедентный бум недвижимости. Такие развивающиеся рынки, как в Бразилии, России и Индонезии, тоже зафиксировали приток инвестиций, хотя и неравномерный из-за периодических кризисов. Возник «дивный новый

мир»* глобальных финансов на основе бумажных денег. Но, как нам теперь известно, где-то в глубине уже формировались силы, приведшие его к разрушению.

На Уолл-стрит под влиянием новых технологий и мантр о дерегулировании экономики, подогреваемых очевидной победой свободного рынка над коммунизмом, полным ходом шла разработка новых финансовых инструментов. Но одновременно с ними зарождались и некие тайные враждебные силы, которые должны были сыграть свою роль в будущем. На макроуровне все выглядело прекрасно: низкий уровень инфляции, солидные темпы роста. Но экономисты прилагали усилия не в том направлении. Постепенно назревавшие риски никак не учитывались при расчете макроэкономических показателей. Черт побери, эти риски не учитывались даже в банковской системе при рутинных операциях приема депозитов, выдачи коммерческих и ипотечных кредитов. Они таились в сумрачной и малоизвестной реальности, именуемой теневой банковской системой.

Как нам теперь известно, причудливо объединенные в пулы ипотечные кредиты и кредитные производные инструменты с номинальной стоимостью в сотни миллиардов долларов поставили хеджевые и пенсионные фонды, банки и другие финансовые организации в зависимость друг от друга в сложной, взаимосвязанной сети теневой банковской системы, которую вряд ли кому-то удастся в полной мере изучить. В соответствии с уроками коммерческих банкиров эпохи Ренессанса Уолл-стрит опять нашла эффективный способ заполучить деньги суверена и многократно их умножить, создав разновидность частных денег, основанных на задолженности. Все это происходило в сфере, которая подвергается менее жесткому регулированию, чем традиционная банковская система. Когда наконец до людей дошло, насколько опасной может стать теневая банковская система, было уже слишком поздно. С крахом инвестиционного банка Lehman Brothers эта хрупкая система начала разваливаться.

Эпоха Великого спокойствия несла на себе печать проклятия. Она не только способствовала распространению в обществе ложного чувства безопасности, но и заставила забыть об обязанности использовать

* Отсылка к названию антиутопического романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». *Прим. ред.*

политические рычаги для борьбы с неблагоприятной ситуацией в экономике. Все и каждый — от избирателей до воротил Уолл-стрит, от конгрессменов до президента — стремились верить в то, что ФРС способна разобраться с финансовой системой. Многоуважаемый Пол Волкер уступил место не менее уважаемому Алану Гринспену, правда, со временем растерявшему всеобщее уважение. В 1999 году никто не обратил внимания на отмену акта Гласса — Стиголла, еще со времени Великой депрессии запрещающего слияние коммерческих и инвестиционных банков. В результате возникавшие банки-гиганты обрели огромное могущество. Когда система взорвалась прямо у них под носом, они задействовали свой последний резерв — массивную финансовую помощь за счет налогоплательщиков.

[59]

Спустя шесть лет после описанных событий мы все еще не можем утверждать, что справились с последствиями этого взрыва. Лоббисты Уолл-стрит продолжают финансировать преобладающую часть расходов на политические кампании Конгресса и оказывать неправомерное влияние на ход реформ. Отчасти это происходит потому, что мы все еще позволяем центральным банкам выполнять за нас грязную работу, отравляя общество наркотиком легких денег ради сохранения стабильности. Проводимая ФРС политика нулевой процентной ставки и выкуп облигаций на сумму более трех миллиардов долларов в совокупности с аналогичными действиями партнеров ФРС из Европы и Японии предотвратили катастрофу. Однако слишком мало делалось для урегулирования долгосрочных диспропорций в налоговых поступлениях или для реструктуризации финансовой системы, в которой доминировали все те же СБЧО (слишком большие, чтобы обанкротиться) банки. Даже после последовательной серии национальных кризисов, разразившихся после 2010 года и охвативших Грецию, Испанию, Ирландию, Португалию, а затем Италию, структурные диспропорции, и в том числе недопустимый разрыв между политическими и финансовыми функциями, продолжали существовать в европейской валютно-финансовой системе.

В то же время в глобальной экономике, где доллар остается мировой, а не только национальной валютой США, по-прежнему наблюдаются ограничения денежной политики, обусловленные национальными политическими процессами. Поэтому значительные суммы из денег, генерированных ФРС путем неустанный выкупа долговых

[60]

обязательств и предназначенных для стимулирования американской экономики, перетекали за океан, надувая нежелательные «пузыри» на рынках недвижимости развивающихся стран и обостряя напряженность до степени, которую описывали как «валютную войну». Может показаться, что с тех пор ситуация стабилизировалась, но не стоит впадать в заблуждение: наша глобальная валютно-финансовая система по-прежнему имеет серьезные проблемы.

Изучение истории денег позволяет выделить основную проблему: как разработать систему, с одной стороны, способную эффективно обслуживать обмен товарами и услугами, обеспечивая выгоду всем участникам, а с другой — не допускающую нарушения общественного доверия со стороны управляющих ею учреждений. Смогут ли биткоин или другие криптовалюты предложить решение этой задачи, станет ясно впоследствии. На первом этапе им предстоит завоевать доверие в качестве устойчивой валюты, способной обслуживать все расширяющийся обмен и генерировать выгоду.

Известный критерий гласит: чтобы денежные знаки стали деньгами, они должны функционировать как средство расчета, расчетная денежная единица, средство сбережения. На доллары можно купить товары в любом уголке мира. Они используются в качестве измерителя стоимости практически чего угодно. А основное, если не главное, их свойство — это вера людей в то, что, держа свои сбережения в долларах, они обеспечивают их сохранность в течение долгого времени. Если множество людей сегодня используют биткоин в качестве средства расчетов при покупке или продаже товаров, то расчетной денежной единицей его считают немногие. Торговцы, принимающие биткоин, вынуждены составлять прейскурант на свои товары в национальной валюте той страны, где они находятся. Что же до функции средства сбережения, то спекулянты, покупающие биткоин в расчете на рост курса в будущем, конечно, верят в его перспективы в этом качестве. Но большинство считает, что препятствием станет его волатильность. За первые 11 месяцев 2013 года курс биткоина по отношению к доллару вырос на 8500%, но в последующие шесть месяцев упал на две трети от этой величины. Кто решится хранить все свои сбережения в нем?

Еще важнее вопрос: способны ли криптовалюты *стать* деньгами? Для этого следует отбросить требование того, чтобы за деньгами

стояли некие «реальные» ценности. В действительности имеет значение только то, обладают ли они полезностью. В итоге вопрос ставится так: могут ли криптовалюты усовершенствовать нашу способность участвовать в обмене, торговле и взаимодействии с людьми? В этом плане биткоину есть что предложить — уникальную способность проводить низкозатратные, практически мгновенные денежные трансферы в любую точку мира. Мы считаем, что рано или поздно именно это качество сделает данную технологию, а может, и сам биткоин широко востребованными. Возможно, тогда биткоины станут деньгами.

[61]

Наверное, вы скажете, что денежные знаки становятся деньгами тогда, когда все согласны принять их в этом качестве. Чтобы выполнить это весьма сложное тавтологическое условие, биткоин должен заставить поверить в себя. Его первые последователи пытались позаимствовать стратегии привлечения себе подобных из истории денег. Содержание таких стратегий широко варьируется — от выбора символа, похожего на символы других валют (чаще всего биткоин обозначается буквой В, перечеркнутой линиями, похожими на перечеркивающие знак доллара), и до создания мифа о физической, «реальной» внутренней стоимости биткоина путем использования термина «добыча» (или *майнинг*) применительно к процессу его создания (об этом писал антрополог Билл Маурер).

Перед первыми последователями встала гораздо более серьезная проблема, чем выбор знака, — создать как можно более широкое сообщество пользователей вокруг биткоина. Сообщество первых пользователей биткоина состояло всего лишь из двух человек. Со временем оно значительно увеличилось как по численности, так и по разнообразию мотивов присоединения новых членов. Если считать справедливым утверждение харталистов о том, что деньги — это социальный феномен, то расширение численности приверженцев биткоина представляет собой не что иное, как попытку денежных знаков *стать* деньгами.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ГЛАВА

2

Генезис

*Высокомерие власти побуждает заменять деньги
идеями.*

ФРЭНК ЛЛОЙД РАЙТ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks